

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 4

Осень 2015

Среднеазиатские позиции по украинскому кризису: балансирование на тонкой грани?.....	1
<i>Эмильбек Джураев</i>	
Стратегические последствия войны на Украине для постсоветского пространства: взгляд из Центральной Азии.....	13
<i>Фарход Толипов</i>	
Как Россия, шаг за шагом, хочет восстановить свою имперскую роль в глобальной и европейской системе безопасности.....	25
<i>Зофия Студзинска</i>	
Ретроспективный взгляд на Косовскую кампанию НАТО 1999 года: юридически спорное, но оправданное исключение?.....	49
<i>Ральф Р. Стайнке</i>	
Косово 1999 и Крым 2014: сходства и различия.....	63
<i>Пал Дунай</i>	
Конфликт в Косово, рассмотренный в концептуальных рамках заинтересованных сторон.....	77
<i>Анета Новаковска-Кристман и Марзена Жаковска</i>	
Программа НАТО «Си Спарроу»: сотрудничество, основанное на доверии.....	91
<i>Дабровка Смолни</i>	
Террористические угрозы против России и ответные контр-террористические меры.....	103
<i>Джошуа Синай</i>	
Доклад СП о борьбе с терроризмом.....	111

Террористические угрозы против России и ответные контр-террористические меры

Джошуа Синай *

В середине 2015 года в фокусе внимания остаются в основном исламистские террористические угрозы против России и ее контр-террористические ответные меры. Надо отметить, что эти исламистские террористические угрозы не были связаны с другими проблемами национальной безопасности России, проистекающими из ее интервенции на Украине, которые не обсуждаются в этой статье.

Как и в других западных странах, последняя фаза террористических угроз против России стала еще более сложной, чем раньше, с широкомасштабным участием предположительно 1700 «доморожденных насильственных экстремистов» (ДНЭ),¹ в основном находящихся на Северном Кавказе, многие из которых поехали в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к боевикам Исламского государства и воевать против поддерживаемого Москвой правительства Башара Асада и против шиитского правительства в Багдаде (которое поддерживает Иран – близкий союзник России), причем их насильственный экстремизм также направлен против российского государства. Составным элементом этого этапа, тоже не связанным с участием вышеупомянутых российских исламистов в Сирии, является развертывание российских военно-воздушных сил в Сирии в сентябре 2015 года для поддержки находящегося под осадой режима Асада против Исламистского государства.

Более ранний этап террористических угроз против России был проиллюстрирован взрывами 15 апреля 2013 года на Бостонском марафоне, которые были организованы двумя братьями чеченского происхождения (один из которых предположительно находился под наблюдением российских служб безопасности во время его пребывания в Дагестане), а также несколькими значительными террористическими нападениями в конце 2013 года накануне Зимних олимпийских игр в Сочи, которые прошли в феврале 2014 года без террористических инцидентов.

В целом, основные террористические угрозы против Российской Федерации представлены исламистскими повстанцами на Северном Кавказе, которые организованы в нескольких группировках, и которые жестко связаны с глобальным джихадом Аль-Каиды. К счастью для России, эта самая существенная для нее

* Доктор Джошуа Синай является директором по аналитике и бизнес-разведке корпорации Resilient (www.resilient.com) в Вене, штат Вирджиния. Он ветеран аналитик в сфере исследований по терроризму и контртерроризму, и в число его публикаций входят статьи, рассматривающие реакцию России на террористические угрозы. Он также редактор обзоров книг в онлайн-академическом журнале «Перспективы терроризма», для которого он регулярно ведет обзорную колонку «Контртеррористическая полка». С ним можно связаться по адресу: joshua.sinai@comcast.net.

¹ Damien Sharkov, “Up to 1,700 Russians Fighting for ISIS, Says Head of Secret Service,” *Newsweek*, 20 February 2015.

угроза, намерение этих исламистских боевиков эксплуатировать внимание СМИ по всему миру в связи с Олимпийскими играми, проводимыми в феврале 2014 года, недалеко от Северного Кавказа, в нескольких сотнях километрах от Республики Дагестан, где они наращивали повстанческие действия с целью создать исламское государство в регионе, было сорвано. В ответ Россия существенно усилила контр-террористические меры в республиках Северного Кавказа, а также и в других районах страны, таким образом помешав повстанцам осуществить свои террористические планы. Тем не менее, участие таких джихадистских групп, как находящееся в Сирии и Ираке, Исламское государство в радикализации сотен российских исламистов с тем, чтобы они присоединились к их действиям, расширило географический спектр террористических угроз против России, особенно по возвращению некоторых из них в Россию для того, чтобы совершать нападения в ответ на поддержку Москвой сирийского и иракского режима и для создания исламского халифата на Северном Кавказе.

Террористические угрозы

Основные террористические угрозы против России исходят из турбулентных северокавказских республик Чечня, Дагестан, Ингушетия и Кабардино-Балкария, в которых в течение последних десятилетий экстремистские этно-националисты и исламистские боевики ведут повстанческие действия против российского управления, которое они считают оккупационной силой и которое они хотят заменить исламистским режимом талибовского толка.² Кроме того, что они нападают на немусульманские русские объекты (и их местные агенты) для того, чтобы посеять страх и ужас в своих собственных общинах, они также прибегают к убийствам умеренных исламистских религиозных фигур, которых они пытаются заменить своими собственными религиозными единомышленниками, которые придерживаются более строгой формы салафитского ислама.

Со времен Российской империи, Россия сталкивалась с несколькими категориями терроризма, в частности на Северном Кавказе, начиная от революционных анархистов 19 века³ и до нынешних сепаратистски настроенных экстремистских этно-националистов, которые пытаются освободить Северный Кавказ от продолжающегося русского присутствия с тем, чтобы установить исламистский режим

² Обзор исламистских повстанческих движений на Северном Кавказе можно найти в Mark Galeotti, *Russia's Wars in Chechnya 1994–2009* (Oxford, UK: Osprey Publishing, 2014); Gordon M. Hahn, *Russia's Islamic Threat* (New Haven, CT: Yale University Press, 2007); Gordon M. Hahn, *The Caucasus Emirate Mujahedin: Global Jihadism in Russia's North Caucasus and Beyond* (Jefferson, NC: McFarland, 2014); Robert W. Schaefer, *The Insurgency in Chechnya and the North Caucasus: From Gazavat to Jihad* (Santa Barbara, CA: Praeger Security International, 2011); и Robert Bruce Ware and Enver Kisriev, *Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus* (Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2010).

³ Обзор по теме анархистов-террористов 19 века в России можно найти в Anna Geifman, *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995).

талибовского толка. Это является резким поворотом в характере террористических угроз против России, учитывая, что на пике Холодной войны бывший Советский Союз (и его восточно-европейские союзники, Восточная Германия и Куба) были главными государственными спонсорами терроризма, его службы безопасности обеспечивали активную поддержку палестинским, армянским и южноамериканским террористическим группам.⁴

В перечень значительных террористических инцидентов против России, имевших место в последнее время и связанных с Северным Кавказом, входят:

- В сентябре 1999 года чеченские боевики напали на квартирные дома в Москве, причинив смерть 200 людям и нанеся ранения нескольким сотням. В ответ российские войска вошли в Чечню.
- 23 октября 2002 года чеченские боевики атаковали полный зрителей театр на Дубровке в Москве. Предположительно 129 человек погибло во время штурма российских сил безопасности.
- 27 декабря 2002 чеченские террористы-самоубийцы атаковали административный комплекс чеченского правительства в Грозном, погибли 78 человек и 150 получили ранения.
- Между февралем и августом 2004 года серия самоубийственных атак, совершенных боевиками с Северного Кавказа в московском метро, привела к смерти около 80 человек.
- 24 августа 2004 чеченские и ингушские повстанцы напали на силы внутренних войск в Назрани, Ингушетия, убив 80 военнослужащих и в то же время были взорваны два русских пассажирских самолета, погибли 90 человек.
- 1-3 сентября 2004 года чеченские и ингушские боевики напали на школу в Беслане, Северная Осетия, взяв в заложники более чем 1100 человек. Российская спасительная операция привела к смерти 300 человек, в том числе 186 детей.
- 27 ноября 2009 года чеченские боевики взорвали скоростной поезд Москва – С. Петербург, причинив смерть 26 и ранения 100 человекам.
- 29 марта 2010 чеченские террористы совершили двойной самоубийственный взрыв в московском метро, погибли 40 и были ранены больше 100 человек.
- 24 января 2011 года чеченский террорист произвел самоубийственный взрыв в аэропорту Домодедово в зале международного прилета, погибли больше 36 человек и были ранены около 180.

⁴ Отчеты о спонсированного государством терроризме в Советском Союзе во время Холодной войны смотри в Roberta Goren, *The Soviet Union and Terrorism*, ed. Jillian Becker (London, UK: George Allen & Unwin, 1984), и Nick Lockwood, "How the Soviet Union Transformed Terrorism," *The Atlantic*, 23 December 2001.

- В середине сентября 2013 года были убиты трое русских полицейских и ранено пятеро террористом-самоубийцей, который сдетонировал бомбу в машине, припаркованной у полицейского отделения в Чечне.
- 21 октября 2013 30-летняя Наида Асиялова совершила самоубийственный атентат в автобусе недалеко от южного города Волгограда, погибли шестеро и были ранены 30 человек. Асиялова (так же известная как «Аматурахман»), урожденная дагестанка, была женой Дмитрия Соколова, 21 год, этнического русского (которого она обратила в радикальный ислам). Оба были членами северокавказской исламистской группы боевиков, для которой Соколов (так же известен как «Абдул Джабар») работал в качестве одного из экспертов по взрывным устройствам – он участвовал в создании самоубийственного жилета для своей жены. Соколов, который ушел в нелегальность, подозревался российскими силами безопасности в производстве взрывных устройств, которые были использованы в нескольких нападениях в дагестанском городе Махачкала в начале 2013 года.
- 29 декабря 2013 года женщина-смертник убила, по крайней мере, как минимум 15 человек и ранила более 40 на железнодорожном вокзале в южном российском городе Волгограде. Террористка была идентифицирована как Иксана Асланова, гражданка Дагестана, которая до этого несколько раз была замужем за исламистскими террористами-оперативниками (которые погибли).
- 15 января 2014 года в перестрелке между российской полицией и исламистскими боевиками (подозреваемыми во взрыве машины в Пятигорске в декабре 2013 года), были убиты четверо боевиков, погибли трое и были ранены пятеро полицейских.

В пределах в основном мусульманского района Северного Кавказа, исламистское повстанческое движение приобрело глобальный джихадистский характер – с аффилированными с Аль-Каидой группами, и в последнее время аффилированными с Исламским государством, – которые обеспечивают финансирование, боевиков и материалы для чеченских сепаратистов. Это объясняет, как американцы чеченского происхождения, братья Царнаевы (и, возможно, их мать), предположительно стали приверженцами глобального салафитского вооруженного движения, что было мотивом их атаки во время Бостонского марафона.

Угроза исламистских боевиков усилилась в середине 2013 года, чему свидетельством является видеообращение, опубликованное в Интернете в начале июля 2013 года Доку Умарова, чеченского лидера (и «Эмира» Кавказского эмирата, КЭ, самопровозглашенного виртуального государства, как бы являющегося «наследником» Чеченской Республики, которая восстала против Российской Федерации). В обращении говорилось, что для мусульман Северного Кавказа является священной обязанностью совершать нападения на Олимпийские игры, проводимые в феврале 2014 года в Сочи, Россия. В видеообращении Умаров заявлял, что «Они [Россия] планируют провести Олимпиаду на костях наших предшественников, на костях многих, многих мертвых мусульман, похороненных на территории нашей

земли на Черном море, и мы как моджахеды обязаны не позволить этого, используя способы, разрешенные всемогущим аллахом».⁵

К началу 2015 года, поскольку характер и масштаб повстанческого движения КЭ перетерпели трансформацию, выражающуюся в том, что большая часть его рекрутов и боевиков присоединились к Исламскому государству в Сирии и Ираке, частота и число террористических нападений в Российской Федерации уменьшились, особенно по сравнению с предыдущими годами. За период с 2010 по 2014 число таких нападений со стороны КЭ, согласно Гордону М. Хану, уменьшилось от 583 в 2010 году, до 546 в 2012, 465 в 2012 и 439 в 2013.⁶ Это снижение также являлось результатом усиленных контр-террористических мер, в частности, уничтожения и задержания подозреваемых в террористической деятельности, примером чего является только одна существенная перестрелка в январе 2014 (указанная выше).

Снижение террористической активности КЭ в Российской Федерации, однако, согласно Хану, не следует считать результатом какого-либо снижения их мотивации или потенциала, «а скорее результатом детерриториализации, глобализации и дальнейшей эволюции»⁷ в качестве российского филиала Исламского государства. К этому надо добавить, что усовершенствованная российская контр-террористическая тактика также сыграла определенную роль в подавлении террористической деятельности КЭ. Кроме того, параллельным развитием событий, имеющим большое значение для планировщиков российской контр-террористической кампании, является то, что «Исламское государство, представляемое КЭИГ [сочетание КЭ и ИГ], пришло в Россию» – включая возможность того, что существенная часть этих боевиков «вернется на Северный Кавказ и снова дестабилизирует этот регион».⁸

Оценка российской контр-террористической кампании

Как было показано в предыдущем разделе, террористические нападения исламистских боевиков совершались часто против федеральных и местных сил безопасности до конца 2013 года. В ответ российское правительство применило широкий спектр жестких контр-террористических мер с использованием вооруженных сил, разведки, судебных органов и органов охраны правопорядка, которые к началу 2015 года в целом успели существенно понизить частоту и смертоносность таких инцидентов после их эскалации в течение 2013 года.

⁵ Mark Corcoran, “Sochi Winter Olympics: Terrorist Threat Hangs Over Games as ‘Combat-Ready’ Vladimir Putin Steps Up Security,” 22 January 2014, доступно на www.abc.net.au/news/2014-01-22/shadow-of-terrorism-hangs-over-sochi-games/5211586.

⁶ Gordon M. Hahn, “Is Putin Winning His War Against the Caucasus Emirate or is ISIL?,” 18 February 2015, доступно на <http://gordonhahn.com/2015/02/18/is-putin-winning-his-war-against-jihadism>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Этот успех России в контр-терроризме был достигнут сравнительно недавно, после неэффективной реакции в 2004 году на захват школы в Беслане, когда ее специальные силы понесли существенные потери, обнаружив существенные недостатки в контр-террористическом потенциале в то время, особенно в таких областях как осуществление командования в кризисных ситуациях, менеджмент разведывательной информации и распространение публичной информации о таких событиях. Это привело к переустройству ее ведомств, связанных с контр-террористической безопасностью и правопорядком, в том числе и создание новых координирующих органов в сфере контр-терроризма. Эти изменения были кодифицированы в марте 2006 года в «Законе о противодействии терроризму», который заменил предыдущую версию от 1998 года. В соответствии с этим законом Федеральная Служба Безопасности (ФСБ), разведывательная служба России (и наследник КГБ), стала главным ведомством для борьбы с терроризмом, с новым Национальным Антитеррористическим Комитетом (НАК) – сравнимым с Американским Национальным Контр-террористическим Центром (НКЦ), учрежденным в качестве высшего координирующего органа. НАК отвечает за координацию контр-террористической политики и операции 17 федеральных ведомств в сфере безопасности, с дополнительными региональными контр-террористическими комитетами, выполняющими свои функции в административных районах страны.

Как и контр-террористические ведомства других стран, НАК считает, что успех в противодействии терроризму возможен благодаря трем элементам – предотвращению террористических нападений, аресту подозреваемых террористов и минимизированию ущерба от террористических инцидентов – все они обеспечиваются эффективной координацией между органами разведки и правопорядка. В начале 2015 года Александр Бортников, директор ФСБ с мая 2008, стал председателем НАК.

Дополняя ФСБ, Министерство внутренних дел (МВД) также располагает контр-террористическими подразделениями и подразделениями, предназначенными для противодействия экстремизму, задачи, которые раньше выполнялись ФСБ. К середине 2015 года, однако, российская кампания противодействия экстремизму уже не считается эффективной, поскольку для федерального правительства, которое становится все более авторитарным, сложно применять более «мягкие» тактики примирения, которые, по крайней мере, в теории предназначены для противодействия нарративу экстремистов и занимаются коренными причинами поводов для недовольства, которые в данном случае усложнены экстремистским и непримиримым характером повстанческого движения.

В качестве примера того, как действовали основные военные и правоохранительные элементы российской контр-террористической кампании, чтобы загнать исламистских боевиков в оборону, когда Россия готовилась обеспечить безопасность Олимпийских игр в Сочи, можно указать на то, что города Северного Кавказа, которые считаются рассадниками исламистского движения, были переведены в «режим КТО» (контр-террористической операции), что позволило силам безопасности создать контрольно-пропускные пункты на въездах в город, прово-

дить произвольные обыски, устанавливать комендантский час и задерживать любых иностранцев, у которых не было специального разрешения на посещение. Согласно одному докладу, были задействованы «около 25 000 полицейских, 30 000 военнослужащих и 8 000 сотрудников сил специального назначения и службы безопасности ФСБ»,⁹ которые обеспечивали безопасность игр.

Другой мерой для защиты Олимпийских игр в Сочи было то, что ФСБ провела несколько антитеррористических учений на территории Краснодарского края, включая Сочи, для подготовки органов охраны правопорядка и местной власти к совместному реагированию на потенциальные террористические инциденты.

И последнее, демонстрируя мастерство применения контр-террористических технологий, для защиты игр были использованы как низкотехнологические, так и высокотехнологические средства, начиная от ручных металлодетекторов для проверки багажников машин и до разведывательных беспилотных летательных аппаратов и центров командования и управления, которые в режиме реального времени анализировали информацию, идущую приблизительно с 1400 камер видеонаблюдения и других датчиков, которые были расположены по всему сочинскому региону.¹⁰

Как и другие правительства, которые уничтожают лидеров своих террористических противников, российские контр-террористические силы также используют такую тактику против лидеров исламистского повстанческого движения в неспокойном регионе Северного Кавказа. Хотя точное число таких целенаправленных убийств неизвестно, известно, что несколько лидеров исламистских боевиков были уничтожены ими. В это число входят уничтожение в начале 2012 года 35-летнего Джамалейла Муталиева, одного из руководителей Кавказского эмирата, который отвечал за организацию самоубийственных взрывов. Муталиев предположительно являлся ближайшим сотрудником Умарова, а также Шамиля Басаева, исламистского террористического лидера, который ответствен за организацию бойни в школе в Беслане в 2004 году, и который предположительно был уничтожен российскими силами в середине 2006 года. В марте 2012 года российские силы безопасности уничтожили Алима Занкишиева, руководителя исламистского сопротивления в Республике Кабардино-Балкария на Северном Кавказе.

Как и другие контр-террористические организации, российские службы безопасности осуществляют мониторинг экстремистских вебсайтов на предмет выявления их планов, ключевых фигур и будущих объектов нападения. Под наблюдением находятся и некоторые из этих сайтов, которые публикуют свои материалы за пределами российских границ. Однако, нет сведений об эффективности мониторинга связанных с террористами вебсайтов.

С целью усилить правовые антитеррористические меры, в начале ноября 2013 года российские власти начали применять комплекс более жестких антитеррористических законов, предполагающих заключение сроком до 10 лет для вся-

⁹ Anshel Pfeffer, "Sterilizing Sochi for the 'Big Brother Games'," *Ha'aretz*, 31 January 2014.

¹⁰ Там же.

кого, кто занимается подготовкой и обучением «направленных на осуществление террористической деятельности», а также обязывают родственников исламистских боевиков, участвующих в террористических действиях, возмещать любой ущерб, причиненный ими. Закон также позволяет властям отнимать собственность родственников и «близких знакомых» подозреваемых боевиков, если они не представят документов о законности владения ею.

Заключение

Взрывы на Бостонском марафоне, произведенные чечено-американскими экстремистами, показали, что террористические угрозы против России затрагивают и западные страны, в которых имеются значительные чеченские и северокавказские диаспоры. К примеру, немецкие и австрийские власти были озабочены радикализацией в сторону насильственного экстремизма населения их чеченских диаспор, причем некоторые такие чеченцы присоединились к повстанческим движениям ан-Нусра и ИДИЛ в Сирии.¹¹ Для того, чтобы предотвратить повторение нападений, подобных теракту во время Бостонского марафона, совершаемых членами чеченской диаспоры, вероятно, российско-западное сотрудничество в сфере контр-терроризма продолжит расширяться (несмотря на интервенцию России на Украине, которая привела к наложению Западом санкций на Москву), с часто проводимыми встречами рабочих групп и с другими формами обмена разведывательной информацией, тем более что сейчас проникновение глобального салафитского джихадизма в этно-националистические сепаратистские движения на Северном Кавказе стало одной из основных проблем для западных планировщиков контр-терроризма. Также обстоят дела и с сотрудничеством Запада и России в сфере безопасности при выявлении участия исламистских сетей, связанных с движениями ан-Нусра и Исламское государство в Сирии и Ираке (и возможно, во всех других местах).

¹¹ “Germany Reportedly Concerned About Radicalization of Chechen Diaspora,” *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 8 December 2014.